

A photograph of two young women with long, light brown hair standing in a grassy field. They are holding hands. The woman on the left is wearing a dark blue, long-sleeved dress, and the woman on the right is wearing a brown, long-sleeved dress. In the background, a large, dark, funnel-shaped tornado is visible against a cloudy sky. The overall mood is somber and dramatic.

Юлия Токарева

Дуккха и Каруна

Юлия Токарева

Дуккха и Каруна

<https://litres.ru/73910138>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, когда мир требует от вас невозможного: либо почувствовать всё до боли в костях, либо оставаться холодной и неприступной?

Эта история — не о выборе между добром и злом.

Это сказка о двух силах, которые живут в каждом из нас. Одна хочет укрыть, спрятать и спасти от любого ветра. Другая знает, что иногда нужно дать буре пройти сквозь тебя, чтобы воздух снова стал лёгким.

Между ними — тишина. И напряжение, которое может либо разорвать всё на части, либо стать началом чего-то нового.

Здесь нет инструкций, как «правильно» проживать эмоции. Есть только пространство, где можно увидеть: боль и сострадание — не враги. Это два голоса одной природы, которые наконец-то готовы услышать друг друга.

Для тех, кто устал выбирать между «быть сильной» и «быть живой». Для всех, кто боится своей глубины или, наоборот, своей хрупкости.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Юлия Токарева

Дуккха и Каруна

Глава 1

В долине, где река огибала горные склоны, а ветер приносил запах сосновой смолы и влажной земли, стояло королевство. Не большое и не маленькое. Просто живое. В нём правил король, не суровый, но и не мягкий. Просто тот, кто умел держать равновесие. Он не носил корону в будни, предпочитая простой плащ и сапоги, знакомые с пылью дорог. В замке как и во всем королевстве царили мир, покой и радость. Но в тот день коридоры замка наполнились тишиной, тяжёлой, как мокрый снег. Королева умерла. Она отдала жизнь двум дочерям и ушла на рассвете, когда первые лучи только коснулись витражей.

Первой родилась Дуккха, за ней — Каруна. Имена не выбирали. Они сами пришли, как приходят имена, которые уже звучат где-то в тишине, прежде чем их произнесут вслух.

Король не плакал перед слугами, но все видели как он постарел как будто за один день. Он сидел в опочивальне, глядя на колыбель, где спали две девочки. Совершенно одинаковые. Один нос, одни глаза, одни крошечные ладошки, сжатые в кулачки. Он провёл пальцем по краю одеяла и по-

нял: они — его единственная опора. И его самая большая радость.

Девочки росли похожими, как две капли дождя на одном листе, но внутри у каждой бился свой ритм. Чтобы придворным было проще различать девочек король приказал портным сшить для дочерей платья разного цвета. Старшей выбрали оттенки синего: глубокий индиго, цвет сумерек над водой, штормовое небо перед дождём. Младшей — оттенки меди: тёплая терракота, отблеск заката на старой пластине, цвет обожжённой глины.

Когда им исполнилось лет по шесть, в саду у замковой стены случилась беда. Молодая ворона, ещё неокрепшая после весеннего шторма, упала с гнезда и повредила крыло. Она билась в мокрой траве, хрипела, цеплялась когтями за землю, пытаясь отползти в тень кустов.

Дуккха прибежала первой. Она рухнула на колени, закрыла птицу ладонями, заплакала. Ей было физически больно смотреть на это. Она побежала в покои, принесла мягкие ткани, попыталась примотать крыло, соорудила из картонной коробки укрытие, закрыла его от ветра, от солнца, от взглядов. Она шептала птице: «Не бойся, я тебя спрячу, никто не тронет, я всё устрою». Но птица билась сильнее. Короб становился тесным. Дуккха не отпускала, боясь, что если отпустит — птица не выживет. Она сжала кулаки, втянула плечи, будто пыталась вобрать в себя всё, что происходило с вороной. Её синее платье потемнело от росы и слёз.

Каруна подошла позже. Она не стала плакать. Она присела на корточки, посмотрела. Положила ладонь на крышку короба, но не открыла его. Послушала дыхание. Потом тихо сказала сестре: «Она дышит. Ей просто нужно время, на восстановление». Каруна отодвинула ткань, чтобы воздух проходил. Поставила рядом глиняную миску с водой. Не трогала крыло. Не пыталась «починить» то, что должно срастись само. Она просто сидела рядом и молчала, иногда поглаживая стенку короба. Птица перестала биться. Успокоилась.

Король наблюдал из окна. Он не вмешивался. Не одобрял и не осуждал. Отец лишь удивлялся тому какие дочери одинаковые и одновременно разные. Он медленно кивнул каким-то одному ему понятным мыслям и отошел от окна.

Годы шли, сменялись времена года. Принцессы стали прекрасными молодыми женщинами, а Король постарел. Его шаги по каменным плитам стали тяжелее, серебряная нить в бороде покрыла виски, а голос, когда-то звонкий, теперь звучал как далёкий колокол, заглушённый снегом. Он больше не обходил дозор на рассвете. Вместо этого он садился у высокого окна, смотрел, как река огибает камни, и чувствовал, как вес короны перемещается с головы в кости.

Тогда он начал открывать двери тронного зала шире. Призывал дочерей. Ставил резные табуреты по бокам от своего кресла. И перед каждым решением, перед каждой печатью на свитке, спрашивал:

— Что бы сделали вы?

Зал наполнялся голосами. Приходили купцы с пылью на сапогах, крестьяне с трещинами на ладонях, вдовы с печальными взглядами. Сёстры слушали. Не споря. Не перебивая. Просто по-разному.

Однажды в зал вошла женщина, ведя за руку мальчика, которого укусила змея. Его рука была обмотана тёмными тряпками, сквозь которые проступала едкая, темная мазь. Ребёнок плакал, дёргался, прятал ладонь под подол матери. Рядом стоял лекарь с глиняным горшком.

— Он жжёт его огненной травой! — воскликнула мать, дрожа всем телом. — Кожа на его руке краснеет, он кричит, я не могу смотреть. Уберите это, дайте ему покой, пусть просто заживёт само!

Дуккха подалась вперёд. Её платье цвета штормового неба, казалось, впитало детский плач. Она слышала каждый всхлип, чувствовала, как жжётся её собственная ладонь.

— Снимите тряпки, — сказала она тихо. — Промойте водой. Прикройте мягким льном. Не заставляйте его это терпеть. Боль не должна быть ценой за здоровье.

Каруна не отвернулась от раны. Она заметила, как тёмные вены у локтя уже отступают, как едкий запах травы вытесняет запах гниения.

— Огонь выводит яд. Если снять повязку сейчас, кожа затянется, а яд останется внутри. Да, ребёнок плачет, но лекарство должно сделать своё дело. Попробуйте отвлечь его

игрой.

Король провёл пальцами по подлокотнику. Он видел мать, которая не выносит страдания ребёнка, и видел лекаря, который знает цену временной боли. Он выслушал дочерей, не спорил, а лишь кивал. Он видел не противоречие сестер, а две грани одного камня.

В другой раз Короля позвал дровосек. И он попросил дочерей присоединиться к нему.

Конь бился в тупике из брёвен упавших после ночной грозы, глаза белели от ужаса, копыта выбивали искры из камней.

— Он сам себя убьёт! — крикнул дровосек, вытирая пот со лба. — Мы боимся подойти. Бросить камень, чтобы отпугнуть? Ударить обухом по бревну, чтобы разломать завал? Или ждать, пока он обессилит?

Дуккха сделала шаг вперед. В её голосе звучала просьба, а не приказ.

— Не бейте. Не кричите. Подойдите медленно. Положите ладонь на шею. Спойте. Покажите, что вы не враг. Сила не должна ломать то, что и так сломано.

Каруна смотрела на брёвна, которые с каждым рывком сжимались туже. Видела, как узда впивается в губы, как пена летит на камни.

— Ласка не поднимет бревно. Нужно ударить по сучку, чтобы завал подался. Резкий голос остановит панику коня. Это не жестокость. Это необходимость. Иногда нужно проявить силу, чтобы убрать то, что мешает.

В конце осени к королю пришел торговец. Его телега перевернулась на горном перевале, мешки с зерном порвались о камни, зерно рассыпалось по дороге. Он говорил о голодных детях, о поврежденной дороге, о том, что зима близко. Дуккха подалась вперед. Её платье цвета штормового неба, казалось, впитало его слова.

Когда мужчина изложил свою проблему, Король обратился к старшей дочери:

— Как бы поступила ты?

— Откройте королевские амбары, — сказала Дуккха. — Верните ему то, что отняла дорога. И пошлите каменщиков расширить перевал, чтобы никто больше не пострадал.

Каруна слушала, сложив руки в медных рукавах на коленях.

— Амбары кормят королевство до весны, — ответила она медленно. — Пусть гильдия купцов разделит убыток между собой. А те, кто получает хлеб с этой дороги, пусть помогут её мостить.

Зима пришла тихо. Снег лёг на крыши, заморозил тропы, и дыхание короля стало редким, почти незаметным. В последний вечер он позвал дочерей в покои. Не было свечей, не было придворных. Только треск поленьев в камине и тишина, в которой слышалось только их дыхание.

Он протянул руки. Положил одну ладонь на щеку Дуккхи,

другую — на плечо Каруны. Кожа его была тонкой, как пергамент, но тёплой.

— Я горжусь вами, — прошептал он. Голос дрожал, но в нём не было слабости. Только любовь. — Дуккха, ты чувствуешь боль других так глубоко, что несёшь её на своих плечах. Это редкий дар. Каруна, ты видишь суть вещей, понимаешь, что сила нужна не только тогда, когда нужно что-то сломать, но и когда нужно построить.

Он перевёл дыхание. Улыбнулся, глядя куда-то в угол комнаты, будто видел там знакомый силуэт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.